

Глава вторая «Правление немногих и идеология» (с. 21–30) посвящена возникновению олигархической идеологии. По мнению М. Оствальда, «к середине V в. ὀλιγαρχία (олигархия) воспринималась как обычный термин для обозначения правления немногих» (с. 23). Наибольшее внимание автор уделяет анализу труда Фукидида, а также псевдо-ксенофоновой «Афинской политики». Интересен анализ политической борьбы на Керкире.

В главе третьей «Философская переоценка: Платон» (с. 31–35) рассматриваются политические взгляды знаменитого философа. По мнению автора, Платон отверг трехчастную схему типов государственного устройства; для него большее значение имела степень подготовленности государственного деятеля (с. 33). Отношение философа к власти немногих несколько отличается в разных диалогах, у него нет четкой терминологии: в диалоге «Политик» олигархия, как и аристократия, – это власть немногих, к которой философ относится положительно, но в «Государстве» олигархия – это власть богатых (с. 34).

В главе четвертой «Теория и практика: Аристотель» (с. 37–40) автор стремится показать, что Аристотель в отличие от Платона больше внимания обращал на проблему собственности. По мнению Аристотеля, влияние имущественных различий приводит к переходу от аристократии к «хорошей» олигархии. Собственность для Аристотеля – безусловно «знаковый» и положительный момент.

Более половины основной части книги занимает пятая глава «Олигархический гражданин у Аристотеля» (с. 41–75). Сначала М. Оствальд останавливается на месте олигархии в схеме Аристотеля. Великий философ пытается уйти от «количественного» принципа (власть одного, немногих, большинства) при определении формы государственного устройства, рассматривая олигархию как власть состоятельных граждан. При этом обладание собственностью должно быть, в конце концов, подчинено интересам всего гражданского коллектива: философ выступает как против чрезмерных имущественных различий (приводя в пример современную ему Спарту), так и против имущественного равенства, критикуя платоновский «коммунизм» (с. 46–47). По мнению автора, для Аристотеля понятия «состоятельный» (εὐπορος) и «неимущий» (ἄπορος) относятся прежде всего к материальной сфере, но в отличие от пары богач/бедняк (πλούσιος/πέννης) имеют «демонстрационный» оттенок, показывая связь имущественного и социального положения гражданина. То же самое можно сказать и об общих понятиях εὐπορία/ἀπορία, которые философ использует для характеристики различных полисов (с. 54–55). М. Оствальд полагает, что «обладание собственностью является основой для всех четырех типов олигархии, которые признает Аристотель» (с. 73).

Эта книга может служить своеобразным дополнением к фундаментальному труду М. Оствальда, посвященному афинскому обществу классического периода<sup>1</sup>, дополнением, в котором упор делается не на свойственную Афинам олигархию. Выводы автора фундаментальны и достаточно традиционны. Вопреки многим современным исследователям он отстаивает, причем весьма обоснованно, оригинальность пути политического развития древнегреческих полисов.

С.Г. Карлюк

© 2001 г.

J.C. MERDINGER. *Rome and the African Church in the Time of Augustine*. New Haven – London, 1997

К истории раннего христианства, вопросам формирования и развития церковной организации отечественная историография обратилась достаточно давно. Уже в дореволюционный период выходят исследования по проблемам античной церкви, где в частности рассматриваются и взаимоотношения между римским и африканским престолом, подчеркивается независимость африканской церкви, ее дружеское расположение к Риму<sup>1</sup>.

Основной акцент в советской исторической науке делался на изучение проблем пер-

<sup>1</sup> Ostwald M. *From Popular Sovereignty to the Sovereignty of the Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens*. Berkeley, 1986.

<sup>1</sup> См., например: *Извеков Н.Д.* Иерархия Северо-Африканской церкви. Вильно, 1884.

воначального христианства, его связи с классовой борьбой в римском обществе<sup>2</sup>. Положение новой религии в Северной Африке затрагивалось преимущественно в разрезе социально-экономического развития данного региона, в связи с общественными движениями и восстаниями, протекавшими под религиозными лозунгами<sup>3</sup>. В то же время советские ученые сталкивались с вопросами развития античной христианской церкви при работе с иностранной литературой<sup>4</sup>.

Традиция значительно большего внимания, уделяемого собственно церковной истории в западной исторической науке, отразилась в работе Мердингера<sup>5</sup>. Рассматриваемая монография состоит из предисловия, двух частей, содержащих, соответственно, пять и шесть (с заключением) глав, и эпилога. В конце книги помещены примечания (по главам), библиографический список источников и литературы (преимущественно англо- и франкоязычной), а также предметный указатель.

Автор отмечает, что не его цель дублировать многочисленные исследования, посвященные росту папской власти в период поздней античности. Его интересует проблема римско-африканских взаимоотношений с точки зрения африканской церкви – динамичного и хорошо организованного института, возглавляемого выдающимися личностями (с. СХ). К этому автора подтолкнуло и обнаружение в середине 1970-х годов австрийским ученым Йоханом Дивьяком (Johannes Divjak) в ходе работы по сбору материала для «Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum» (CSEL) средневековых рукописей неизвестных ранее писем Августина и его современников. С 1981 г. – времени первой публикации писем – была проделана значительная работа по их изучению: вышла новая версия писем, сделаны переводы на иностранные языки, появились научные исследования, в основном по истории раннего христианства, а также жизни и деятельности Августина (с. XI, XIII–XIV, см. библиографию в конце работы). Эти письма в сочетании с известными прежде письменными источниками и литературой подтолкнули автора к исследованию заявленной темы. В конце введения Мердингер сообщает об обнаруженных в 1990 г. проповедях Августина, которые он не имел возможности принять во внимание при написании данной работы, но, подобно «письмам Дивьяка», они обещают дать свежий взгляд на раннее христианство<sup>6</sup>.

Цель работы автора – пересмотреть сложившееся в историографии мнение о стойкой первоначальной независимости североафриканской церкви и ее последующем подчинении Риму с ростом влияния папского престола на Западе, дать более точную оценку взаимоотношениям двух церквей в период поздней античности, показать местные истоки тяготения североафриканской церкви к Риму и причины ее недовольства папским вмешательством во внутренние дела. Мердингер отмечает, что несмотря на все споры и несогласия африканская церковь в целом сохраняла уважение к римскому престолу как ис-

<sup>2</sup> Настоящая рецензия не ставит целью охватить все стороны и тенденции советской историографии. Можно лишь отметить, что первые работы, рассчитанные во многом на популяризацию научного знания, со временем сменяются все более академическими трудами. См., например, *Никольский Н.М.* Иисус и первые христианские общины. Пг., 1918; *Ярославский Е.М.* Как рождаются, живут и умирают боги и богини. Пг., 1923; *Виппер Р.Ю.* Возникновение христианства. М., 1918; *он же.* Рим и раннее христианство. М., 1954; *Преображенский П.Ф.* Тертуллиан и Рим. М., 1926; *он же.* В мире античных идей и образов. М., 1965; *Рапопорт А.Б.* О раннем христианстве. М., 1959; *Штаерман Е.М.* Гонения на христиан в III веке // ВДИ. 1940. № 2; *Свенцицкая И.С.* Запрещенные евангелия. М., 1965; *Ленцман Я.А.* Происхождение христианства. М., 1960; *он же.* Изучение советскими учеными раннего христианства // Вопросы научного атеизма. М., 1967.

<sup>3</sup> *Дмитрев А.Д.* К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах // ВДИ, 1948. № 3; *Дилигенский Г.Г.* Северная Африка в IV–V веках. М., 1961; *Мишкин Н.А.* Движение агонистиков (из истории Римской Африки IV в.) // Историк-марксист. 1935. № 1; *он же.* Агонистики или циркумцеллионы в кодексе Феодосия // ВДИ. 1938. № 1.

<sup>4</sup> *Дилигенский Г.Г.* Новые книги по истории Северной Африки // ВДИ. 1956. № 1; *он же.* Из новой литературы о социальной и религиозной борьбе в Римской Африке // ВДИ. 1960. № 4; *Петрова А.Г.* Борьба марксистской историографии против буржуазной по основным проблемам первоначального христианства. М., 1954.

<sup>5</sup> Из западных работ: *Brown P.* Religion and Society in the Age of Augustine. L., 1972; *Frend W.H.C.* The Donatist Church. L., 1952; *Warmington B.H.* The North African Provinces from Diocletian to the Vandal Conquest. Westport (Conn). 1954; *Wood N.* African Peasant Terrorism and Augustine's Political Thought // History from Below. Montreal, 1985. См. также библиографию рассматриваемой работы (с. 253–258).

<sup>6</sup> По сообщению Мердингера, в 1990 г. в муниципальной библиотеке Майнца французский исследователь Ф. Дольбо (François Dolbeau) нашел рукопись XV в., содержащую проповедь Августина, ранее известные лишь во фрагментах и кратком пересказе средневековых манускриптов (с. XIV).

точнику апостольской, истинной традиции вероучения, связью с которым Карфаген гарантировал себе неоспоримую ортодоксальность (с. X).

В первой части историческая связь с Римом прослеживается автором через взгляды ряда наиболее важных мыслителей африканской церкви – Тертуллиана, Киприана и Оптата. Мердингер не ставит целью рассмотреть взгляды каждого в целостности, он показывает отношение к римскому престолу отцов африканской церкви – предшественников Августина.

В I главе представлена общая картина положения христианства в Римской империи, от его возникновения и распространения (согласно традиционной истории) до выхода на историческую арену Августина. Попутно рассматриваются различные обстоятельства этого процесса: существование прежних культов, интерес общества к новой религии, гонения, распространение, положение в обеих частях империи, ереси, проблема монашества и т.п. Мердингер отмечает, что процесс оформления института папства шел как раз в конце IV – начале V в. (с. 26). Папы начинают претендовать на статус наследников Петра, что согласно римскому закону и взглядам общества подкрепляло их претензии на главенство среди христианских церквей Запада. В этом процессе автор подчеркивает не только требования исторической действительности, но и влияние таких личностей, как папы Сирийский, Иннокентий, Лев (с. 27).

Далее автор рассматривает формирование в африканской христианской традиции взглядов, показывающих и обосновывающих лояльность африканской церкви Риму. Авторитет папского престола имеет истоки уже в Тертуллиановой концепции *origo* как апостольского первоначала, первоисточника, традиции, идущей от Иисуса Христа. Разбирая произведения отцов африканской церкви, Мердингер прослеживает ее последующее развитие, связь с идеей единства христианской церкви во всем мире. Объективные обстоятельства (проблема апостатства во времена гонений, ереси и т.п.) в результате исторического развития приводят к тому, что Рим из «первого среди равных», абстрактного образа единства церкви превращается ко времени Августина в символ легитимной ортодоксии вероучения, утверждающего свою истинность через давнюю, божественную традицию, переданную через Петра самим Христом. В упомянутых мыслителях автор видит выразителей африканской христианской традиции. В этом ракурсе, а не как проводника иудейского наследия, он рассматривает Тертуллиана (с. 32). С этой же позиции он предлагает характеризовать Оптата не как раннего паписта, что прежде приводило к ошибочной оценке его личности и деятельности, а в качестве традиционного африканского церковника, воспринявшего и развившего идеи, переданные Киприаном, и повлиявшего на формирование взглядов Августина и всего его поколения (с. 58–60).

Таким образом, в первой части работы Мердингер стремится показать, что во взглядах и практике африканской церкви рассматриваемого периода по взаимосвязанным проблемам вероучения и дисциплины сформировалась устойчивая тенденция уважения и поддержки папского престола. Придерживаясь в целом одинаковых мнений в вопросах церковной доктрины, они временами заметно расходились в дисциплинарных взглядах, что иногда приводило к открытому столкновению интересов (с. IX).

Вторая, главная часть работы, по словам самого автора, – до известной степени упражнение в раннем римском законе (с. XII). Здесь Мердингер разбирает церковные судебные прецеденты, случившиеся в Африке, но приговоры по которым выносились в Риме. В начале этой части автор останавливается на проблемах изучения африканских канонов (с. 63–65). Рассмотрение судебных прецедентов в хронологическом порядке (при широком использовании обнаруженных писем) и более внимательное, системное прочтение канонических законов с учетом их последующего исторического значения позволяет автору высказать свое мнение по ряду спорных моментов и проследить возрастание авторитета Рима как последней судебной инстанции в решении африканских церковных дел. Возражая предшествующим исследователям, автор считает, что в Африке была юридически подтверждена возможность апелляции к более высоким инстанциям не только среди высшего, но и среди низшего клира. Апелляции подавались как на ежегодный церковный собор в самой Африке, так и за море: они адресовались в Рим и Милан, не столько даже государственной власти, как именно папскому престолу. В то же время автор отмечает, что объективные трудности и сложившиеся отношения зачастую препятствовали низшим клирикам воспользоваться такой возможностью (с. 109 сл.).

Разбирая конкретные судебные случаи (дело Апиария, дело Гонория, дело Антония из Фуссалы), получившие широкую огласку и потребовавшие или осложненные вмешательством папского престола, автор показывает, что в зависимости от конкретных же обстоятельств участие Рима было то «страстно желаемо» (так что папа был вынужден ограни-

чивать число направляемых к нему дел – с. 204), то вызывало явное беспокойство и даже отторжение со стороны африканской церкви. Автор отмечает, что отцы африканской церкви были упорны и независимы, однако их проницательность и объективная оценка дел и политических реалий помогали им в случае необходимости обратиться за помощью к императору или папе (с. 199). Мердингер подчеркивает все более возрастающие со временем роль и авторитет решений Никейского собора в определении взаимоотношений между двумя церквями. Именно они, на его взгляд, стали опорой для африканской церкви в случаях противостояния Риму. В заключении автор рассматривает причины и тенденцию формирования такого положения, объясняя это именно вселенским характером собора и связанными с «ересями» трудностями развития как Рима, так и Карфагена. Опора на Никейский канон приводит, по его мнению, к конфликту с Римом по вопросу нежелательности папского вмешательства во внутренние дела африканской церкви. Рост претензий папства на подобное вмешательство в конце IV – начале V в. дает все больше поводов к выступлению африканцев как «защитников Никеи и громогласных критиков папства». Констатируя наряду с этим все большую зависимость африканской церкви от римского престола в совете и вынесении судебных решений, автор считает, что те принципы, которые использовались африканцами в борьбе с еретиками – апостольская традиция и союз с первоисточником (*origo*) – в изменившихся условиях привязывали их к Риму более крепко, нежели им временами хотелось (с. 206). В то же время автор видит в деловых отношениях двух церквей последовательную, а не случайную политику.

В целом Мердингер придерживается мнения, что еще до начала роста претензий папства на власть и влияние в североафриканской церковной традиции складывается определенная тенденция тяготения к признанию папского авторитета. Причем тенденция настолько устойчивая, что противодействующие ей взгляды могли найти опору (и то не окончательно) если не в явном разрыве (т.е. ереси), то в авторитете никак не меньшем, чем Вселенский собор.

Автор давно занимается историей римско-африканских церковных отношений (с. XIV). В свое время работа проводилась под руководством такого исследователя, как Френд (W.H.C. Friend). Данная монография стала плодом долгих лет исследования, внимательного изучения источников и литературы. В то же время она имеет ряд особенностей. Как отмечалось, это преимущественно церковная история. Несмотря на то что в источниках, в том числе и «письмах Дивьяка», по признанию Мердингера, содержится обилие информации по социально-политическим и другим вопросам (рост рабовладения в Африке и т.п. – с. XI), автор практически не касается социально-экономических моментов. Немногим чаще затрагивается политическая обстановка: она упоминается в связи с жизнью и деятельностью африканских отцов церкви лишь поскольку имеет к этому некоторое отношение (*occasionally some bearing* – с. XIII). Естественным следствием явился уклон работы в разбор чисто мировоззренческих и собственно юридических тонкостей. Решение поставленной проблемы в данном ключе приводит к известной односторонности выводов. Например, не получает, на наш взгляд, должного обобщения констатируемая в результате исследования приверженность африканской церкви Никейским канонам во время ее конфронтации с папством. В данном случае, как и в ряде других, именно конкретно-исторические, а не мировоззренческие обстоятельства в большей степени сыграли свою роль.

Сосредоточение внимания автора на ведущей роли личности в истории, любование значительностью фигур Августина и других исторических лиц, характерное для западной историографии<sup>7</sup>, нивелируют в его изложении личность как выразителя мнения определенной общественной группы и требований времени. Это ясно прослеживается на протяжении всей работы, несмотря на отдельные попытки дать общий исторический контекст.

Подобный подход не позволяет автору выйти за традиционные рамки западной исторической науки, временами ограничивая его выводы простым учетом прежде неизвестной информации. В то же время, при некоторой узости избранной тематики и методов исследования, монография весьма интересна своими положениями. Привлекают не только добросовестность автора в подборе материала и высказывание суждений, но и живой язык изложения. Полученные в результате работы заключения, несомненно, должны быть учтены при изучении проблем античного христианства.

\* \* \*

<sup>7</sup> См., например *The Cambridge History of Africa. V. 2. Camb., 1982. P. 473*, где события данного периода рассматриваются через призму жизни и деятельности Августина. С. Равен посвящает ему отдельную главу (*Raven S. Rome in Africa. L., 1969*).

Историческое магрибоведение со времени своего возникновения шагнуло далеко вперед в осмыслении прошлого данного региона. Решающий вклад в формирование этой области исторического знания принадлежит французской науке. Еще в XIX в., в процессе раздела сфер влияния мировых держав в Африке, начинает появляться множество работ, преимущественно социологического плана. В итоге к первой половине XX в. магрибоведение становится вотчиной французской историографии, малодоступной для ученых других стран.

На этом же этапе происходят накопление и систематизация значительного исторического материала, составившего фундамент последующих исторических трудов; создаются исследовательские институты, исторические общества, выходят периодические издания. Появляются работы известнейших французских ученых – С. Гзеля, Ш.-А. Жульена и др. При всей широте тематики исторических, этнографических, социологических работ и расхождении авторов во взглядах на режим французского протектората эти монографии стали основой магрибоведения. В тот период ученые зачастую основывались главным образом на филологическом анализе произведений античных авторов. В накоплении археологических данных немалую роль играли военные. Многие археологические богатства, обнаруженные в то время, были разрушены и утеряны при перевозке в музеи Европы. В связи с историческими реалиями основное внимание отводилось «цивилизаторской роли» Римской империи. Отрицалась способность местного населения к созданию самостоятельной истории. Активные раскопки римских городов, проводившиеся до первой мировой войны, редко доходили до слоев, предшествующих II в. н.э. Бытовала идиллическая картина процветания и гармонии местного общества в период римского господства, пришедших на смену варварскому прошлому. Франция же, таким образом, выступала в роли правопреемницы Рима, вернувшей Берберию в лоно западной цивилизации. Сильными позициями обладала церковная историография<sup>1</sup>.

Некоторый упадок исследований, наблюдавшийся в период между двумя мировыми войнами, сменяется новым интересом к Северной Африке в годы после второй мировой войны. К этому времени ученые обладали уже более основательной базой вспомогательных материалов. Появляются библиографии и многочисленная литература, более регулярно выходят археологические журналы и бюллетени, подходит к завершению систематизация известных источников<sup>2</sup>. Меняется фокус исторических исследований, появляются новые подходы и позиции. Освободительная борьба народов Северной Африки и образование новых государств в регионе, изменение политической ситуации в мире значительно ослабляют позиции французской науки. Укрепление влияния США и их союзников в освободившихся странах приводит с 1960-х годов к появлению вала публикаций в университетах США и Великобритании<sup>3</sup>. Если в начале века «Кембриджская древняя история» вынужденно ссылалась преимущественно на французскую литературу, то во второй половине XX в. англоязычная историография осваивает роль ведущего центра современного магрибоведения<sup>4</sup>. Растет интерес к доримскому и исламскому периодам. Большое внимание уделяется истории Карфагена, царству Масиниссы. Новые раскопки позволяют по-иному взглянуть на привычные ранее представления.

Во второй половине XX в. все увереннее выступает современная историография североафриканских государств, на становление которой значительное влияние оказала французская наука. В то же время взгляды исторической науки стран Магриба долгое время были зеркальным отражением позиций французской историографии и страдали сильной привязанностью к идеологии момента. Начавшийся с 1920-х годов поворот алжирской историографии к современному состоянию с освобождением страны в 1962 г. получил новый

<sup>1</sup> The Maghrib in Question: Essays in History and Historiography. Austin, 1997. P. 18–24.

<sup>2</sup> Библиографию см., например: Жульен Ш.-А. История Северной Африки. Т. I. М., 1961. Выходит второй том «Inscriptions latines de l'Algérie» (P., 1957). Определенные итоги предшествующего периода были подведены в работе: General History of Africa. P., 1987 и др.

<sup>3</sup> Africa from Early Times to 1800. L., 1968; Africa in Classical Antiquity. Nine Studies. Ibadan, 1969; African History and Literatures. Harvard, 1971; Brooks L. Great Civilizations of Ancient Africa. N.Y., 1971; Fare J.D. Africa Discovers Her Past. L., 1970; Mikesell N.W. North Morocco. A Cultural Geography. Berkley – Los Angeles. 1961; Raven S. Rome in Africa. L., 1969 и др.

<sup>4</sup> The Cambridge Ancient History. 2 ed. Cambr., 1989; The Cambridge History of Africa Cambr., 1982; см. также библиографию рецензируемой работы.

толчок в развитии идей «римского империализма» и «берберского национализма» в области древней истории<sup>5</sup>. Постколониальную историографию первых лет независимости отличал ряд определяющих тенденций: стремление совместить историю Магриба с общей исламской историей и выявить исторических героев национального освободительного движения против западной агрессии. Существующее положение не благоприятствовало написанию академической и объективной истории. С помощью собственной концепции прошлого политическая элита стремилась политически упрочить законность своего положения. Национальная история, в противовес истории французской, германской, римской, преследовала цель освобождения от колониальных стереотипов, зачастую порождая новые<sup>6</sup>.

Издержки «болезни роста» снижали историческую ценность исследований. Только к 1970-м годам появляются первые профессиональные историки Марокко. Влияние западной науки, в частности французской школы «Анналов», во многом определило поиски местной исторической науки в области междисциплинарного, культурно-исторического и прочих подходов. В 1970-х годах увлечение социальной историей, концентрирующейся на изучении отдельных племен и регионов, привело к дробности исторического исследования. Конкретные результаты поисков магрибской историографии не всегда удовлетворительны и нередко механистичны<sup>7</sup>.

Развитие магрибоведения в других странах не означает, что Франция легко рассталась с лидирующей ролью в этой области. Разработка различных аспектов истории Магриба – жемчужины бывшей французской империи – продолжается до сего дня. Идет тесное сотрудничество со странами Северной Африки<sup>8</sup>. Активно выступают и ученые других стран мира<sup>9</sup>.

На современном этапе исторической науки появляются работы, авторы которых стараются по-новому взглянуть на устоявшиеся исторические представления, обвиняя предшественников в чрезмерной описательности и откровенно проколониалистских концепциях<sup>10</sup>.

Большой интерес вызывает суть феномена империи в истории. Римской империи, в частности. Значительному пересмотру в зарубежной историографии подвергается вопрос о так называемой политике романизации местного населения в провинциях, ее сути, степени, методах<sup>11</sup>. Здесь выявляются аспекты, которые, к сожалению, не получили должного развития в отечественной историографии. Так, даже при постановке проблемы взаимоотношений государства и варварской периферии главное внимание уделяется северным римским провинциям, история Африки играет здесь вспомогательную роль<sup>12</sup>. Не ставятся такие качественные вопросы, как пересмотр сущности, значения и исторического развития феномена границы и т.п.

С этой точки зрения рассматриваемая монография Д. Черри представляет для отечественного читателя несомненный интерес. По признанию самого автора, книга является результатом 15-летней работы. По данной проблеме им был опубликован ряд статей, касающихся разработки вопросов степени романизации в римских провинциях (см. библиографию). Работа состоит из предисловия, пяти глав, имеющих еще более мелкое деление, заключения. Далее помещены приложения, где систематизированы эпиграфические данные

<sup>5</sup> *Ayache A. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*. P., 1964; *Mtouggui. Vue générale de l'histoire berbère*. Alger, 1974 (см. АЗС. 1978. Вып. 19. С. 120–128).

<sup>6</sup> *Аяш Ж. Очерки марокканской истории*. М., 1962.

<sup>7</sup> *The Maghrib in Question*... P. 117–118.

<sup>8</sup> *Урсу Д.А. Французская африканистика: центры, ученые, проблемы* // НАА. 1987. № 6; *Власов О. Африканистика во Франции* // АЗС. 1983. Вып. 26. Ч. II; *Розина И.К. Центры африканистики Франции* // АЗС. 1979. Вып. 21. С. 169–174.

<sup>9</sup> *Изучение истории Африки в США* // АЗС. 1983. Вып. 26. Ч. II. С. 125–135; *Никешова И. Африканистика в Великобритании* // АЗС. 1982. Вып. 25. С. 130–146, и др.

<sup>10</sup> *Webster J., Cooper N. Roman Imperialism: Post-colonial Perspectives*. Leicester, 1996; см. также *Дьяков Н.Н. Марокко: История, культура и религия*. СПб., 1993.

<sup>11</sup> *Исследование проблем романизации, взаимодействия с местным населением, особенно в отдаленных от центра областях (например Sigman M.C. The Romans and the Indigenous Tribes of Mauritania Tingitana // Historia. 1977. Bd XXVI. Ht 4), в немалой степени определяется историческими обстоятельствами. Характерна в этом отношении статья: Bowersock G.W. A Post-Imperialist Perspective on the Roman Empire // ВДИ. 1997. № 4.*

<sup>12</sup> *Колосовская Ю.К. Проблема «Рим и варвары» в советской историографии античности последних десятилетий* // ВДИ. 1980. № 1; *Хазанов А.М. Первобытная периферия докапиталистических обществ // Первобытное общество. Основные проблемы развития*. М., 1974.

о брачных связях, послужившие для автора основным источником. В конце книги содержится библиография, указатели литературных источников, собственных имен и предметов. Имеются также перечни карт и схем, таблиц, список используемых в тексте сокращений.

Целью своего исследования автор ставит определение степени воздействия Рима на культуру общества и экономику территории современного Алжира (что приблизительно соответствует римским провинциям Цезарейская Мавретания и Нумидия), особенно в полупустынной приграничной зоне, в период между 50 г. до н.э. и 250 г. н.э.

Не совсем ясно, чем обусловлены территориальные рамки работы, но временной охват автор объясняет наличием для этого периода исследованных североафриканских надписей. Эпиграфика приграничной зоны составляет главную опору автора в попытке измерить степень аккультурации данного региона. Сложившееся положение он объясняет тем, что иные источники дают гораздо меньше возможностей для достижения поставленной цели. Так, археология, сосредоточившись на обнаружении урбанизированных и в различных степени романизированных поселений (в русле господствующих исторических взглядов), уделяла мало внимания жизни местного сельского населения. Это затрудняет изучение структуры местного общества и экономики, образа жизни и образцов поведения широких масс населения. Черри старается противопоставить здесь количественный метод, считая, что множество примеров, почерпнутых из эпиграфических данных, позволит приблизиться к верному пониманию событий (с. IX). В течение всей работы, при постановке каждого нового вопроса автор сетует на проблему недостаточности серьезных письменных и архивных свидетельств.

Для выяснения степени римского влияния в Африке Черри начинает исследование с рассмотрения ситуации в предримском Алжире. В первой части I главы автор традиционно останавливается на вопросах географического положения региона, уделяя внимание особенностям физической географии и биоклиматическим зонам территории. Это обосновывается тем, что данный экскурс необходим для изучения экономического, особенно сельскохозяйственного, развития доримского Алжира. Значимость географических условий для античной Северной Африки признавалась многими учеными. В последнее время появились новые исследования по палеонтологии и древней географии континента<sup>13</sup>. Поскольку данный вопрос носит вводный характер, автор ограничивается достаточно общими сведениями, как и во второй части I главы, где он затрагивает экономику и другие стороны жизни общества до прихода римлян. Помимо общих сведений Черри критически рассматривает устоявшиеся в историографии взгляды. Сетую на недостаток источников<sup>14</sup>, он высказывает мнение, что еще до римского присутствия в Северной Африке существовала смешанная – земледельческая и животноводческая – экономика, осуществлялись ирригационные работы и водный контроль, проводились сельские ярмарки и т.п., делает предположения об общественном и политическом устройстве местного населения.

Во II главе автор ставит вопрос о природе и функциях римской границы. Пользуясь достижениями американской историографии в исследовании развития и сущности западной границы в истории США, автор рассматривает римскую границу в Северной Африке как культурный процесс, как явление, функционально независимое от пространства, но не от времени, зону взаимовлияния двух разных обществ (с. 28). Изучая развитие приграничной зоны в историческом и географическом планах, от разрушения Карфагена до эпохи Северов, автор не видит оснований считать целью строительства пограничного барьера защиту провинциального населения или определение отношений с существовавшими племенными группами (с. 31–33).

Одновременно автор слегка касается вопроса о римском военном присутствии в Африке и роли армии. Он отмечает, что армия была предназначена не столько для защиты от внешней угрозы, сколько для функционирования в качестве внутренних сил безопасности. На основе рассмотрения имеющихся источников автор приходит к выводу, что ни «романизация», ни «урбанизация», ни «перевод кочевых племен на оседлость» не были целенаправленной, последовательно проводимой политикой имперского правительства настолько, чтобы выделять их отдельно. Полемизируя со взглядами классической историографии, Черри прымывает к мнению, что целью строительства римской границы, различных ее укреплений в Алжире было обеспечение двух главных функций: первоначально –

<sup>13</sup> Сахара. Пер. с англ. яз. М., 1990.

<sup>14</sup> Автор говорит о том, что надписи на местном языке плохо понимаемы и в западной части Северной Африки не дешифрованы (с. 10–11). Однако еще в 1978 г. появилась статья: *Завадский Ю.Н.* О дешифровке западноливийских надписей из Марокко // ВДИ. 1978. № 4.

безопасность самих солдат и – впоследствии – облегчение возможности налогообложения сезонных кочевых племен предсахарской зоны путем направления их миграций в районы, где сделать это было легче всего, т.е. в окружении гарнизонных и ветеранских городов.

В следующей главе автор приступает к теоретическому рассмотрению вопроса о степени романизации Северной Африки. Предпочитая более умеренный термин «аккультуризация», в качестве рабочих определений он понимает под ним видоизменения внутри культур, являющиеся результатом контактов с чужим образом жизни; или продолжительный процесс взаимодействия между двумя и более самостоятельными системами и происходящее в результате этого изменение (с. 75). Критически рассматривая существующие модели изменения степени аккультуризации в Африке, Черри последовательно раскрывает их слабые стороны. Он доказывает, что мало оснований принимать за таковой показатель провинциальную адаптацию римского искусства и архитектурных форм, римских имен и обычаев, городского устройства или статуса. Урбанизация, по мнению автора, была следствием местного предшествующего развития. Разбирая вопрос о римской армии, Черри приходит к выводу, что сравнительно небольшая часть римских солдат была местного происхождения, и то в основном из прилегающих областей. Доля солдат и ветеранов (часто также неримлян по происхождению) в основной массе населения была незначительной. Селились же они обычно вне пределов приграничной зоны. Все проводимые мероприятия по строительству дорог, ветеранских колоний и т.п., имели чисто утилитарное (для собственных нужд) значение (с. 93–96).

Не устраивает автора и позиция классической историографии о «самопроисходящей» от романизированной верхушки на широкие массы романизации местного общества или мнение о том, что провинциальное население адаптирует настолько сильно римскую культуру, насколько вообще может. Считая, что определить уровень романизации можно путем описания – с помощью множества подтверждающих примеров – степени аккультуризации идей и вещей в широких слоях общества, Черри с различными оговорками останавливается на модели выявления смешанных браков между местным и римским (романизированным) населением.

Исследованию этого процесса в приграничной зоне посвящена IV глава рецензируемой работы. Поскольку на нее приходится основной упор, автор подробно рассматривает источники (эпиграфические), их датировку, критерии отбора. Он признает, что в источниковой базе имеется много недостатков и сами используемые методы – грубые и, без сомнения, несовершенные. Сравнивая надгробные надписи пограничной зоны и четырех нумидийских городов и выделяя те, что поставлены супругами, Черри рассматривает случаи смешанных браков среди гражданского и военного, римского (романизированного) и местного населения. Суммируя выводы, автор заключает, что смешанных браков отмечено меньше, и менее всего именно в приграничной зоне. Кроме того, он полагает, что большинство солдатских жен сами были солдатскими дочерьми. Нет доказательств, что солдаты или их дети женились на дочерях романизированной элиты, торговцев или ремесленников (с. 133). Автор считает, что армия в Северной Африке стояла отдельно и жила замкнуто. Между нею и местным обществом существовало сильное отчуждение и, возможно, еще большее – между римским (романизированным) и нероманизированным населением. Допуская, что многие смешанные браки могли скрываться, поскольку были недействительны по римскому закону, Черри углубляется в традиционное для западной историографии исследование римского законодательства по данному вопросу. Однако в итоге он заключает, что в действительности закон мало влиял на долю смешанных браков (с. 140).

Отмечая в VI главе, что нет причин ограничивать аккультуризацию пограничной зоны в римском Алжире смешанными браками, автор считает, что главные последствия римской оккупации могут лежать в сфере скорее экономических и социальных, чем культурных изменений. Но и здесь он отмечает, что зачастую доказательства отсутствуют или фрагментарны и трудны для понимания. В результате он подходит к этому вопросу достаточно критически. Он пишет, что римляне могли сделать вклад в развитие сельского хозяйства либо внедрением новых и/или лучших методов производства и/или водоснабжения, либо увеличением спроса на сельскохозяйственную продукцию, либо содействием культивации окраинных земель. Рассматривая каждое из этих положений в отдельности, Черри говорит, что нет реальных свидетельств повсеместного и последовательного проведения политики подобного рода. По мнению автора, пользу от римской оккупации могли иметь лишь владеющие землей, политически связанные с империей семьи, находящиеся в Риме, местная африканская элита, интегрировавшаяся в римскую систему правления, и люди, тесно соприкасающиеся с армией, прежде всего ее офицеры. Результатом же стали не только



расширение со временем пропасти между землевладельческой элитой и массой обычных провинциалов, но и некоторая эрозия местной экосистемы, истощение почв.

В области торговли, считает автор, сегодня весьма затруднительно определить степень возможного экономического роста, отделить ее от предшествующих итогов развития. Главная выгода могла быть достигнута лишь торговцами и купцами, связанными с военными лагерями. Кроме того, армейские траты становились причиной оттока в военные городки населения из прилегающей сельской местности. Это однако, было лишь каплей в море для территории Северной Африки в целом.

В области общественных изменений, социальных структур и институтов автор основывается практически на одних допущениях и предположениях. Он отмечает, что римская оккупация Алжира стала причиной реструктуризации местной социальной иерархии, когда некоторые североафриканцы, несомненно, воспользовались римским присутствием, другие же, не адаптировавшись к римскому образу жизни, были, вероятно, политически и социально парализованы.

Подводя итоги работе в целом, Черри пишет, что мы не имеем никаких серьезных доказательств для определения степени романизации в приграничной зоне или воздействия этого процесса на жизнь рядовых североафриканцев. Все данные свидетельствуют против того, что римляне вызвали какие-либо действительно важные изменения в североафриканском обществе. Он считает, что их принципиальный вклад состоял лишь в открытии новых рынков для африканской продукции (с. 158).

К образному делению Северной Африки на две части: одну – урбанизированную (возможно, весьма относительно), сравнительно богатую и романизированную в некоторых важных аспектах материальной культуры; другую – сельскую и горную, наименее затронутую деятельностью римлян; автор добавляет третью – Северную Африку фортов и укреплений, солдат и администраторов, людей африканского происхождения, по доброй воле или в силу обстоятельств выделенных в обособленную, замкнутую часть североафриканского общества. Таким образом, автор делает вывод, что судя по имеющимся источникам, за исключением малой части элиты, на основную массу населения римское завоевание не оказало никакого существенного влияния.

Книга Д. Черри интересна в первую очередь попыткой пересмотра сложившихся исторических взглядов на проблему Римской Африки. Главные заслуги монографии состоят в обработке материала семейных эпитафий пограничной зоны, обосновании основных целей постройки африканского пограничного барьера и постановке вопроса об армии, в частности сомнительности ее роли как орудия романизации провинций Северной Африки.

Однако если критикуемые позиции прежних историков были в немалой степени отражением господствовавших воззрений, то в данной работе автор рискует совершить аналогичную ошибку с точки зрения новых взглядов. Критический подход заставляет его с убеждением относиться ко всякому бытующему в исторической африканистике положению. Отмечая, что нельзя ограничивать процесс романизации одним явлением смешанных браков, Черри не дает столь же доказательных исследований в других областях общественной жизни. Автор не идет далее критического разбора, лишь указывая на возможность иных ответов, но не обосновывая их. Многие положения высказаны им как допущения и предположения. Общий итог работы – отрицательный. Автор исследует не степень романизации, а вопрос о существовании в рассматриваемый период такого явления вообще.

Вряд ли можно во всем однозначно согласиться с Черри. Справедливо упрекая другие виды источников (данные археологии и т.п.) в недостатке информации, автор все же недооценивает их использование в созидательном плане. Кроме того, он ставит достаточно ограниченные территориальные (современный Северный Алжир, точнее – пограничная зона), временные (середина I в. до н.э. – середина III в. н.э.) и источниковедческие рамки работы для столь полных выводов.

Римское влияние, несомненно, существовало в римской Африке. Оно ощущалось не только элитой, но, возможно, более опосредованно, и широкими массами населения, всем обществом в целом. Так, римское завоевание оказало решительное воздействие на происходивший у местных народов процесс становления государственности. Государственная, социальная и др. формирующиеся стороны общественной жизни, подвергшись римскому вмешательству, оказались фатально неустойчивы как самостоятельные образования. В то же время сильные традиционные племенные структуры стали основой организации местного населения. Их сохранение и трансформация сделают впоследствии возможным образование суррогатных берберских «королевств» в эпоху вандалов и византийского

завоевания. То, в чем прежние историки видели дикость и неспособность берберского населения к самостоятельному «цивилизованному» существованию<sup>15</sup>, а современные – незначительность социальных изменений<sup>16</sup>, заставляет много глубже и по-новому взглянуть на значение римского завоевания. То же относится и к другим сферам общественной жизни в Северной Африке. С этой точки зрения книга Д. Черри предстает как начало, толчок для последующих исследований.

Работа также интересна для читателей не только знакомством с позициями западных ученых, но и широкой постановкой проблем и вопросов, не нашедших должного отражения в отечественной историографии. Несомненно, данная монография должна учитываться при исследованиях античной Северной Африки.

*Р.В. Воробьев*

Библ. 216, 402\*

102

18.			
19.			
20.			
21.			
22.			
23.			
24.			
25.			
26.			
27.			
28.			
29.			
30.			
31.			
32.			
33.			
34.			
35.			
36.			
37.			
38.			
39.			
40.			
41.			
42.			
43.			
44.			
45.			
46.			
47.			
48.			
49.			
50.			
51.			
52.			
53.			
54.			
55.			
56.			
57.			
58.			
59.			
60.			
61.			
62.			
63.			
64.			
65.			
66.			
67.			
68.			
69.			
70.			
71.			
72.			
73.			
74.			
75.			
76.			
77.			
78.			
79.			
80.			
81.			
82.			
83.			
84.			
85.			
86.			
87.			
88.			
89.			
90.			
91.			
92.			
93.			
94.			
95.			
96.			
97.			
98.			
99.			
100.			

<sup>15</sup> Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. СПб., 1997. С. 652; История человечества. Всемирная история. Т. IV. СПб., 1904. С. 215; Welch C. North African Prelude. Westport, 1972. P. 53. См. также The Maghrib in Question... P. 18.

<sup>16</sup> Cherry. Op. cit. P. 155–156, 158.